

ВИКТОР КОВРИЖНЫХ

НАИВНОГО СЧАСТЬЯ КЛЮЧИ

ПРЕДЗИМЬЕ

А в деревне опять молодая зима
правит праздником, жизнью и волей.
Нынче колют свиней, и встречает с холма
тёрпкий запах дымов и подворий.
Словно время моё покатилося назад
вдоль румяных домов и заплотов.
Под навесами лампы пальные гудят,
как заоблачный гул самолётов.
...Завалили свинью на приземистый стол,
дикий вопль заметался под крышей,
узкий нож безошибочно сердце нашёл,
дух с дымящимся лезвием вышел.
Дым палёной щетины синее в щелях,
дышит инеем сумрак оконца.
Кровь очнётся и вспомнит себя в именах,
озарённых языческим солнцем.
Гулко цепи звенят и скрипят воротá;
чует мясо собака утробой:
дрож истомы — волной от ушей до хвоста,
и язык — словно пламя озноба!

КОВРИЖНЫХ Виктор Анатольевич родился в 1952 году в посёлке Старо-Бачаты Беловского района Кемеровской области. Автор поэтических сборников “Я, наверно, родился не зря...”, “Непонятно куда мы спешим...”, “Зелёная дудка”, “По токовинской дороге” и “Избранное время”. Член Союза писателей России. Живёт в селе Старобачаты Беловского района.

Ритуально хозяин сдирает нагар —
точность рук и наследственный опыт.
Из распахнутой туши — клубящийся пар
и Велеса оттаявший ропот.
Шёпот жёлтых страниц — у хозяйки слова,
ей хозяин отвечает хмуро.
Смотрит в небо из снега свињи голова
сквозь глаза деревянного Чура.
Тёмный смысл совпадает со всей суетой.
В доме жарко натоплена печка...
Вот и мясо на крючьях висит в кладовой
и янтарная желчь над крылечком.
Свежина на столе! Тёртой редьки куржак,
млеют грузди под шапкой сметаны.
В запотевшей бутылки мерцает первак,
и гремят нетерпеньем стаканы!
За здоровье хозяев, достаток, уют,
чтобы рожь не сгубили морозы!..
И старинную песню по-русски спюют,
утирая украдкой слёзы...

СТАРУХА

Старухе этой — девяносто с лишним...
Уж немощна она, да и слепа.
Но, видно, бережёт её Всевышний —
для смерти не протоптана тропа.
Живя в квартире дочери и зятя,
свободная от кухонных забот,
она молчит в каморке виновато,
что век чужой давно уже живёт.
Ей совестно за немощность и кашель,
и потому, украдкой от родных,
она на ощупь протирает кафель,
передвигаясь робко вдоль стены.
И по ночам к Всевышнему старуха
взывает все грехи её простить.
И — умереть, пока тепло и сухо,
чтоб нам зимой могилку не долбить...

ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Стихает зной, как пчёлы в ульях.
Покой задумчивый настанет.
И в тишину вечерних улиц
выносят свет ладони ставен.
На всплеск ведра во мгле колодца
собачий лай взлетит ответно,
цепочкой длинною прольётся
от крайних изб до сельсовета.
Блеснёт звезда росой небесной,
примолкнет речка в дымке белой.
Стволы берёз с холмов окрестных
струят свой свет во все пределы...

СТАРАЯ КУЗНИЦА

Копоть и сажа погасших огней.
Вход занавесил подрост тальниковый.
Не оседлать здесь воскресших коней —
ржой изошли стремяна и подковы.
Звон наковальни полынью сокрыт,
зябко несёт из дверей пустотою.
Так просветлённой прохладой сквозит,
будто под кузней колодец с водою.
Льются протяжно сквозь щели лучи
цветом вечерней щемящей печали.
Словно наивного счастья ключи,
счастья, которое не доковали.
Полуистлевшие спицы колёс,
мохом покрыты венцы и стропила.
Ветхую крышу прошила насквозь
жгучим дремучим побегом крапива...
В полночь под лай деревенских собак
скорбная тень кузнеца оживает.
Тяжко вздыхает и курит табак,
в горне остывшем огни раздувает.
Глухо меха проворчат, и огни
вспыхнут на время и тут же погаснут.
Словно хотел осветить наши дни,
но убедился, что это напрасно...